
БЛИЖНИЙ ВОСТОК В СТРАТЕГИИ США

Ашвад Аббас

Кафедра сравнительной политологии
Российский университет дружбы народов
ул. Михлухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена анализу места Ближнего Востока в стратегии Соединенных Штатов Америки, ее значения для американской внешней политики. Рассматриваются последние изменения в американской стратегии, история ее развития и эволюции, а также теории международных отношений, связанные с политикой на Ближнем Востоке.

Национальная стратегия США строится на учете внешнеполитических реалий соответственно тому историческому этапу, на котором эти реалии возникают. Поэтому изменения в американской стратегической ориентации в основном увязаны с переменами, затрагивающими международные отношения и мировое сообщество в целом. Однако это не означает отсутствия фундаментальных основ, на которых базируется внешнеполитическая стратегия США (см.: [12; 13]). За множественностью вариантов этой стратегии скрывается одна объединяющая их черта: стремление осуществить цели и реализовать интересы Соединенных Штатов (см.: [15]).

В связи с этим возникает вопрос о том, какие именно цели преследует Вашингтон на Ближнем Востоке. Как известно, Соединенные Штаты пришли в этот регион относительно поздно — в конце девятнадцатого века. Вначале они ставили перед собой цели скорее культурного характера [25. Р. 13], затем, в двадцатые годы прошлого столетия, выдвинули экономические задачи [17. С. 26—32], в особенности связанные с нефтедобычей. После второй мировой войны на передний план вышли геополитические интересы Вашингтона (см.: [24]).

Некоторые исследователи полагают, что интерес, проявляемый Соединенными Штатами к «ближневосточному» региону, изначально предопределялся его стратегической значимостью, и в связи с этим напоминают о том, что само словосочетание «Ближний Восток» впервые было озвучено американским морским офицером Альфредом Мэханом. Но, как бы то ни было, максимальную геополитическую значимость этот регион приобрел только с окончанием Второй мировой войны. С появлением социалистического лагеря и началом «холодной войны» главное внимание администрации США сосредоточилось на «сдерживании СССР». По мнению ряда американских стратегов того времени, всякое советское проникновение в регион Ближнего Востока следовало расценивать как попытку блокировать Североатлантический альянс, которая «стала бы причиной драматического изменения мирового баланса сил». Наряду с этим установление советского контроля над ближневосточной нефтью явилось бы «серьезным ударом по экономике свободного мира» [20. Р. 4—6]. Уже тогда начали появляться многочисленные американские инициативы по Ближнему Востоку.

1. Первой из таких инициатив стала **«доктрина Эйзенхауэра»** (1957 г.), призванная «заполнить вакуум» на «Ближнем Востоке». По мнению администрации президента Эйзенхауэра (1953—1957), ослабление британского и французского влияния в регионе после Тройственной агрессии против Египта в 1956 г. создало «вакуум силы», который Соединенным Штатам следовало заполнить прежде, чем это сделает Советский Союз. С этой целью предусматривалось оказание экономической и военной помощи странам Ближнего Востока. «Доктрина Эйзенхауэра» допускала применение военной силы США для обеспечения территориальной целостности и независимости государств, которые попросят о такой помощи для противодействия агрессии, которая может быть предпринята против них каким-либо из «коммунистических режимов» [1. С. 65]. Свое практическое воплощение «доктрина Эйзенхауэра» нашла в ходе ливанского кризиса 1958 г., а также во время событий 1957 г. в Иордании [5. С. 275].

2. Второй ближневосточной инициативой США стала так называемая **«гуманская доктрина»**, или **«доктрина Никсона»**. Она должна была стать важной вехой в эволюции американской дипломатии. Содержание «доктрины Никсона» сводилось к тому, чтобы возложить определенные военные функции на отдельные дружественные государства региона. Соединенные Штаты при этом будут предоставлять таким государствам технологическую и материальную помощь для обеспечения оптимальных результатов [10. С. 737]. С практической точки зрения эта доктрина выразилась в наделении иранского шаха функциями «регионального жандарма» [5. С. 275], а также в известных челночных поездках госсекретаря Генри Киссинджера, миссия которого сводилась к тому, чтобы «страны Ближнего Востока сами определяли судьбу региона» — разумеется, под эгидой США [11. С. 90—91].

3. **«Доктрина Картера»** (декабрь 1980 г.) стала непосредственной реакцией Вашингтона на советское военное вмешательство в Афганистане. С принятием этой доктрины начался новый этап международной борьбы за регион Персидского залива и Ближнего Востока в целом. Заявив о своей сильной обеспокоенности в связи с угрозами, возникающими для США и их союзников в зоне Персидского залива, Вашингтон подтвердил свою решимость сопротивляться этим угрозам с использованием всех имеющихся средств, включая военную силу. Под «угрозами» понимались попытки любой внерегиональной державы установить свой контроль над этим стратегически важным регионом мира. На основании «доктрины Картера» были сформированы «силы быстрого развертывания», или «быстрого реагирования», в зоне Персидского залива. В дальнейшем Вашингтон стал прощупывать степень готовности своих европейских союзников подключиться к выполнению этой миссии, ссылаясь при этом на то, что европейские страны нуждаются в «ближневосточной» нефти больше, чем сами Соединенные Штаты [10. С. 737].

4. В 1980-е годы «ближневосточная» стратегия США базировалась на так называемой **«доктрине Рейгана»**, которую можно свести к делению мира на «белых» («мы») и «черных» («они»). «Они» — это Советский Союз, страны социалистического блока и все те, кто угрожает американским интересам; для

обеспечения этих интересов следует проводить в жизнь стратегию, включающую три элемента [18. С. 93]:

А. «Блокирование и конфронтация». Под этим подразумевалось, что арена военного противостояния с Советским Союзом не ограничится каким-то определенным регионом, а охватит всю планету. Причем конфронтация должна быть не только военной, но и торговой, экономической, дипломатической и т.д.;

Б. «Региональная взаимосвязь», т.е. выделение цепочки стратегических регионов мира, безопасность каждого из которых была бы увязана с безопасностью другого региона;

В. «Вооружение», призванное обеспечить выполнение двух предыдущих задач.

Практически реализация этой стратегии привела к тому, что значимость каждого из элементов мировой системы стала определяться сквозь призму американской военной мощи. Для идеологического прикрытия стратегических целей Вашингтона использовалась идея «обеспечения безопасности и мира во всем мире». Широкое употребление получили такие идеологические клише, как «свободный мир», «культурное наследие Запада», «демократические ценности», «реформы» и т.п. В свою очередь, эти клише повлияли на разработку концептуальных основ новой стратегии и на характер внешнеполитической деятельности США. В частности, это проявлялось в разных подходах к тоталитарным и прочим режимам на Ближнем Востоке — исходя из того, что нетоталитарные режимы представляют меньшую угрозу для западных ценностей, чем тоталитарные (см.: [26]). Следовательно, по мысли Вашингтона, необходимо заменить «опасные ценности» иными, в том числе посредством международного вмешательства.

На смену былым международным отношениям, ставившим во главу угла принцип суверенитета, пришли новые нормы и представления, допускающие прямое вмешательство с целью смены политического режима, «представляющего угрозу для международной стабильности» (см.: [7; 9; 11]). Оценивать степень такой угрозы предоставлялось доминирующей державе. Очевидно, что такая подмена в механизме международных отношений предполагала избирательный подход мировых держав к понятию «стабильность», которая вовсе не воспринималась как самоцель. Страны стали делить на «хорошие» и «плохие», «добрые» и «злые». Критерий же оценки заключался в том, насколько то или иное государство готово принять такие перемены и способствовать их осуществлению. Режимы, соглашающиеся с ними, получают помощь и поддержку, а на тех, кто их отвергнет, будет оказано деструктивное воздействие.

Такая политика — не новость в истории международного противостояния. Традиции вражды и агрессивности сыграли свою роль и в формировании политической психологии. Не случайно недавний «исламский друг» после дезинтеграции Советского Союза превратился в «исламского врага», а во избежание роста насилия и террора стали предлагаться проекты «реформ». А коль скоро нынешние жители Ближнего Востока, в отличие от своих предков, не в состоянии сами исправить положение в своих странах, то им нужно в этом помочь, чтобы их проблемы не разрослись до уровня, угрожающего «международному миру и безопасности» [14. С. 45—47].

Именно такое идеологическое обоснование легло в основу известного американского проекта «Большой Ближний Восток», или даже «Новый Ближний Восток». Фактически это обряженный в новые одежды старый проект, призванный обеспечить стратегические интересы США в регионе. Особую актуальность он приобрел в связи со «стратегическим вакуумом», возникшим вследствие развала социалистического лагеря и снижения европейского влияния (как «старого», так и «нового») [6. С. 33].

*Практическое воплощение современной американской стратегии
на Ближнем Востоке*

Публичное четкое оформление стратегии США в арабском мире произошло лишь в середине 90-х годов двадцатого века. От контроля над ситуацией через посредство своих агентов Вашингтон перешел к установлению в регионе своей гегемонии путем применения военной силы. Что касается оправдания, призванного обосновать правомерность такой трансформации в глазах мировой общественности, то это все та же забота о «международном мире и безопасности», которым на сей раз угрожают «исламские террористы».

После ряда террористических актов в странах Запада ислам стал новым врагом «цивилизованного мира», придя на смену коммунистическому врагу эпохи «холодной войны» (см.: [8]). Такой подход оправдывается ростом террористической активности исламистских группировок, взявших на вооружение радикальные религиозные, расистские и националистические концепции. Поскольку данная ситуация представляет постоянную угрозу для международной стабильности [16. С. 155], то, по мнению США, следует устранить эту угрозу путем исправления политической, социальной и экономической ситуации, возникшей вследствие «нерациональной» политики, проводящейся правящими в арабском и мусульманском мире режимами. За этими идеологическими доводами, по сути, стоят все те же колониальные традиции, однако возрождаются они при помощи новых путей и средств. Наиболее расхожими концепциями их современного оформления являются идеи «ближневосточного партнерства», «средиземноморского партнерства» и, наконец, «Большого Ближнего Востока» и «Нового Ближнего Востока» [23. Р. 5—9].

Проект «ближневосточного партнерства», в основе своей американский, продвигался Израилем после второй войны в Заливе (1991 г.) с целью добиться тотального изменения ситуации в регионе. В него включались арабские страны, Израиль и ряд азиатских и африканских государств. Само собой разумеется, что при этом говорилось о необходимости интеграции и сотрудничества между всеми государствами региона, а не только в рамках той или иной группы стран, в частности арабских. Фактически же ставилась задача предотвратить естественное объединение арабского мира, базирующееся на многочисленных основаниях [18. С. 103—104].

Что касается идеи «Большого Средиземноморья», то она возникла в Европе и апеллирует к необходимости сотрудничества между государствами, располо-

женными как на северном, так и на южном побережьях Средиземного моря. Появление данного проекта было обусловлено рядом соображений, важнейшие из которых можно свести к следующему.

В глобальном разрезе европейско-средиземноморская инициатива стала реакцией на стремление Соединенных Штатов монопольно распоряжаться ресурсами «Ближнего Востока», которое отчетливо просматривалось со времен второго кризиса в Персидском заливе [21. Р. 8—12]. Кроме того, отошли на второй план опасения, связанные с советской угрозой европейской безопасности.

Что касается регионального измерения, то оно связывается с новыми угрозами, исходящими в большинстве случаев из районов Южного и Восточного Средиземноморья. Ввиду близости Европы к арабскому миру всякая дестабилизация в любой арабской стране влияет на стабильность в Европе, и наоборот. Выдвигая лозунг «безопасная Европа в лучшем мире», Европейский Союз осознавал, что для его претворения в жизнь необходимо наладить такие отношения с арабскими странами, которые исключали бы перенос «терроризма» в Европу, а также воспрепятствовать распространению экстремистских идей среди мусульманских меньшинств Старого Света [12. Р. 43—44].

Идея «средиземноморского партнерства» воплотилась в проекте, озвученном на учредительной конференции министров иностранных дел стран Евросоюза и Средиземноморья, проведенной в Барселоне 27—28 ноября 1995 г. Работа конференции завершилась принятием Барселонской декларации, состоявшей из трех главных разделов:

1) партнерство в сфере политики и безопасности, главные принципы которого сводятся к уважению прав человека, демократических норм и основных свобод и борьбе с терроризмом [4. С. 24];

2) экономическое партнерство (в областях сельского хозяйства, промышленности, научных исследований, транспорта, водоснабжения, охраны окружающей среды);

3) социальное и гуманитарное партнерство, предусматривающее диалог культур и цивилизаций с целью сближения народов региона.

Однако объявленные намерения не отражают истинных целей, преследуемых Евросоюзом в ходе Барселонского процесса, которые сводятся к следующему:

1) утвердиться в арабском мире вопреки противодействию Соединенных Штатов и Израиля;

2) изыскать рынки сбыта для своих товаров, услуг и капиталов путем создания зоны свободной торговли, которая предоставила бы европейским странам преимущества на рынках арабского региона;

3) положить конец или, по крайней мере, ограничить нелегальную миграцию жителей Южного Средиземноморья в Европу [3. С. 101].

Что касается проекта «Большой Ближний Восток», то он был представлен Соединенными Штатами на саммите «восьмерки» в Си-Айленде в июне 2004 г. Авторы проекта определяли его цели как построение демократических, эконо-

мически процветающих, открытых и толерантных обществ, где не будет почвы, порождающей терроризм, а следовательно, и угрозы для жизненных интересов держав [2. С. 163]. Данный проект во многом напоминает Хельсинский заключительный акт 1975 г., подготовленный США и их союзниками по НАТО с целью распространения демократии, обеспечения прав человека и проведения кардинальных экономических преобразований в СССР и странах Восточной Европы [10. С. 750—751].

Учитывая, что Хельсинский акт сыграл немалую роль в распаде СССР, кое-кому представляется, что реализация проекта «Большой Ближний Восток» будет способствовать расслоению и распаду арабо-мусульманского мира. Чтобы придать проекту вид объективности и непредвзятости, его разработчики ссылались на то, что в своем анализе сложившейся в арабском регионе ситуации они опирались на доклады «О человеческом развитии» и «О человеческом развитии в арабском мире», представленные ООН в 2002—2003 гг.

В названных докладах диагностировался кризис, охвативший арабские общества, и препятствия, стоящие на пути подлинного гуманитарного подъема в различных арабских странах. Основываясь на данных, содержащихся в этих двух докладах и отражающих отсталость и уязвимость арабских обществ, план «Большой Ближний Восток» характеризовал ситуацию в регионе как «ужасающую». По мнению авторов проекта, эта ситуация приведет к еще большему распространению экстремизма, терроризма, международной преступности и нелегальной миграции. Приводя статистику, демонстрирующую глубину цивилизационного кризиса в современном арабском мире, разработчики проекта указывали на то, что международный доклад представляет собой убедительный призыв к тому, чтобы незамедлительно начать действовать в регионе, изыскать серьезные решения, способные защитить его от «угроз», которым он подвергается, во имя общих интересов стран — членов «восьмерки» [19. С. 150—151]. Суть предлагающихся решений можно выразить одним словом: реформы. В качестве составных частей грядущих преобразований предлагается следующее:

- 1) поощрение демократии и благотворного эффективного управления;
- 2) построение информационного общества;
- 3) расширение экономических возможностей и эмансипация женщин.

С практической точки зрения проект «Большой Ближний Восток» стал порождением ситуации, возникшей после двух разрушительных войн, развязанных Вашингтоном против Афганистана и Ирака, и начала новой войны, которую иногда называют «войной идей». Вчитавшись в текст этого проекта, в нем можно обнаружить несколько специфических особенностей.

1. В нем арабы ни разу не упоминаются как особая нация (ни в географическом, ни даже в идентификационном смысле).

2. Проект охватывает обширный и многообразный геополитический регион, включающий в себя и арабский, и мусульманский миры со всеми их составными частями. По мнению ряда наблюдателей, цель такого культурного «смешения» заключается в том, чтобы обеспечить Израилю лидирующие позиции,

превратить его в локомотив, тянущий за собой все остальные государства, охватываемые этим проектом [2. С. 67].

3. В проекте полностью игнорируются вопросы, касающиеся арабо-израильского конфликта. Это означает, что американская стратегия не отталкивается от необходимости урегулировать подлинные проблемы региона [19. С. 155].

4. Проект отдает Соединенным Штатам безраздельную монополию на ресурсы региона, а Старому Свету предоставляет финансировать планируемые преобразования из своего кармана. Тем самым он продолжает то, что начато войной в Ираке.

5. Существующие в арабском мире негативные явления (бедность, экстремизм, терроризм и т.п.) проект объясняет чисто внутренними причинами, в том числе отсутствием демократии и недостаточной социальной справедливостью. Тем не менее, наряду с демократизацией, распространением свобод, эмансипацией женщины и т.д. реализация проекта предполагает адаптацию к условиям Всемирной торговой организации, либерализацию рынка финансовых услуг, отстранение государства от хозяйственной деятельности. Однако подобные процессы могут привести не к достижению объявленных целей, а к появлению новых авторитарных режимов, связанных с местной мафией, сросшейся с иностранными монополиями (см.: [27]). Таким образом, «демократизация» и «противодействие деспотизму» могут обернуться прикрытием для экономического ограбления, диктата, оккупации и создания марионеточных режимов.

Из всего этого можно сделать вывод о том, что проект «Большой Ближний Восток», декларирующий стремление «подарить» арабским странам фундаментальные реформы, на деле лишает их свободы, парализует волю и делает их полностью зависимыми от решений, принимаемых в Вашингтоне в свете стратегического видения «неоконсерваторов». Таким образом, данный проект представляет собой лишь общие контуры обширной политической программы, призванной обеспечить цели и интересы его авторов, связанные с установлением гегемонии в регионе. Что касается таких важных элементов, как сложная демографическая, культурная и религиозная структура региона, то их планируется превратить из фактора силы в фактор слабости и дезинтеграции. В результате регион может превратиться из крупной цивилизационно-политической общности в набор разрозненных образований, управляемых по воле внешних (зарубежных) центров. Это программа интегрированных политических, экономических и культурных действий. И программа эта связана не только с инициативой Джорджа Буша. В случае, если не появится местных альтернатив, она должна стать долгосрочной программой, преследующей далеко идущие цели.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Аббас Р.* Американская внешняя политика после Второй мировой войны // *Индустрия ненависти в арабо-американских отношениях.* — Бейрут, Марказ дйрасат аль-вахда, 2003 (на араб. яз.).

- [2] *Ал Таиар С.* Арабские реформы и международные вызовы. — Парис, марказ дйрасат Аль-араби-уроппи, 2005 (на араб. яз.).
- [3] *Ал Химиш М.* Сионизм и региональные проекты. — Дамаск, 1999 (на араб. яз.).
- [4] *Басим Ф.* Европейско-средиземноморское сотрудничество // Ал Ахрам, 1997 (на араб. яз.).
- [5] *Имара А.* Американская стратегия на ближнем востоке после Второй мировой войны. — Каир Аль-маруса, 1997 (на араб. яз.).
- [6] *Литонк Р.* Империалистическая республика после 11 сентября // Аль-Мустакпал Ал Араби, 11.03.2004 (на араб. яз.).
- [7] *Острём С.* США и ООН — смешивать не рекомендуется // Россия в глобальной политике. — 2004. — № 3.
- [8] *Подуан Ж., Дрида Ж.* Менталитет террора. — Аль-Дар Аль-баида, Аль-Марказ, Аль-Сакафи, Аль-Араби, 2003 (на араб. яз.).
- [9] *Примаков Е.* Иракский кризис и перспективы урегулирования // Россия в глобальной политике. — 2004. — № 3.
- [10] *Раби М.М., Мукаллид И.С.* Энциклопедия политических наук. — Кувейт, 2001 (на араб. яз.).
- [11] *Уркхарт Б.* Объединенные Нации в XXI веке // Россия в глобальной политике. — 2004. — № 4.
- [12] *Уткин А.И.* Новый мировой порядок. — М.: Алгоритм, 2006.
- [13] *Уткин А.И.* Удар американских богов. — М.: Алгоритм, 2006.
- [14] *Фрйсон С.* Корни американской антитеррористической компании // Аль-Мустакпал Ал Араби, 2002 (на араб. яз.).
- [15] *Фукуяма Ф.* Строительство государств: пособие для начинающих // Россия в глобальной политике. — 2004. — № 3.
- [16] *Хаидар М.* Беззащитное государство. — Дар Ал Раис, 2004 (на араб. яз.).
- [17] *Хайрия К.* Американская политика и запад. — Бейрут, Марказ йрасат аль-вахда, 1982 (на араб. яз.).
- [18] *Хамаде Т.* Реформа и развитие — мировой порядок и Большой Ближний Восток. — Дар Аль-мйхаж Аль-байда, 2005 (на араб. яз.).
- [19] *Хамаш Н.* Империя обмана. — Бейрут, Аль-марказ алараби лидирасвт ва аль-нашйр, 2004 (на араб. яз.).
- [20] *Campbell J.* Defense of the Middle East: Problems Of American Policy. — New York: Harper, 1960.
- [21] European Commission, Strengthening the Mediterranean Policy of the European Union: establishing a Euro-Mediterranean partnership // Bulletin of the EU. — 1993.
- [22] *Ghassan S.* Turn between the Atlantic and Mediterranean, Europe and the Middle East in the post cold era // The Middle East and Europe Rout Ledge. — NY, 2000.
- [23] *Jophan A.M.* The Eastern Question: A Historical Study in American Diplomacy. — Oxford University Press, 2003.
- [24] *Peres S.* The New Middle East. — NY, Henry Holt and Company, 2004.
- [25] *Shurdom J.* The United States Early Involvement in the Arab World. — The University of Miami, 1979.

Интернет-ресурсы

- [26] *Билйкзез А.* Политика шантажа и дезинформации. 20.05.2006 // www.arabrenwal.com (на араб. яз.).
- [27] *Кауал М.* Арабский Восток. — 12.2004 // www.almoaton.com (на араб. яз.).

THE MIDDLE EAST IN AMERICAN STRATEGY

Ashwad Abbas

The Department of Comparative Politics
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

This research discusses the position of Middle East in American Strategy, and what this area means for that strategy, specially according to the international policy.

The research discusses the changes in American Strategy which related to this area, through study the development dealing American with Middle East during the history of American Strategy, and various foreign policy theories.